

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН,
*почетный профессор социологии Йельского
университета (США)*

Маркс и слаборазвитость

Abstract

In this article, Wallerstein discusses the problem how the concept of the third world underdevelopment relates to the Marxian concept of capitalism and what implications the relations of these two have for the conceptualization of capitalist development and for the social sciences and social movements.

В своих трудах Карл Маркс оказался в ловушке базового эпистемологического противоречия, свойственного всем без исключения попыткам анализировать крупномасштабные, долгосрочные процессы социальных изменений, одновременно описывая характеристики и принципы “системы” в ходе ее уникального развития.

Данное противоречие между неизбежно абстрактной теорией и с необходимостью конкретной историей не может быть устранено по определению. Подобно большинству других мыслителей, сталкивавшихся с этим противоречием в своей интеллектуальной деятельности и осознававших его, Маркс в своих сочинениях прибегнул к тактике поочередного переноса акцентов. Поэтому довольно легко исказить его интерес, если указать только на одну крайнюю точку движения этого маятника и представить ее как позицию “подлинного Маркса”, что он отверг бы, и часто действительно так и делал.

Поскольку, однако, данное противоречие неустранимо, из этого по определению следует, что ни один мыслитель, сколь бы проницателен он ни был, не сможет формулировать идеи так, чтобы они оставались правильными сто лет спустя. Сама эволюция за сто лет создаст новую эмпирическую реальность, и это означает, что предшествующие теоретические абстракции *должны* быть модифицированы. И так будет всегда. Маркс писал бы “Манифест Коммунистической партии” в 1948 году иначе, чем в 1848-м, а “Капитал” в 1959-м иначе, чем в 1859 году. И мы должны делать то же самое.

Тема “Маркс и слаборазвитость” во многих отношениях курьезна, поскольку на самом деле Марксу не было известно понятие слаборазвитости. Это понятие чуждо его учению в том виде, в каком он обычно его излагал. Это понятие, которое во многих отношениях бросает вызов Марксовым идеям настолько же, насколько оно оспаривает и традиционный буржуазный либерализм. Ибо мы никогда не должны забывать, что либерализм и марксизм — в равной мере наследники мысли Просвещения и его глубокой веры в неизбежность прогресса.

Но вместе с тем слаборазвитость является понятием, открывающим дверь к анализу, который один только и может подтвердить сущность Марксова понимания процесса миросторического развития и, в частности, исторических процессов развития капиталистического способа производства. Из комбинации абстрактного и конкретного анализа, проделанного Марксом и Энгельсом, социалистические движения, марксисты вывели, как мне представляется, три основных (по крайней мере, вплоть до недавнего времени) идеи.

Идеей номер один является центральная роль пролетариата в экономических и политических процессах капиталистического мира. Промышленный пролетариат, и только промышленный пролетариат, производит прибавочную стоимость, присвоение (или накопление) которой выступает всей целью капиталистического предприятия ($D-T-D'$), накопленный капитал затем используется для возобновления процесса (“расширенного воспроизводства капитала”), с тем, чтобы накапливать еще больший капитал.

С политической точки зрения, именно промышленному пролетариату, и только ему одному, “нечего терять, кроме своих цепей”, и, следовательно, только он один заинтересован и способен четко осознать противоречия капитализма и стремится преобразовать существующий мир в коммунистический. Из этой центральной роли пролетариата был выведен политический урок. Борьба за социализм/коммунизм должна вестись под руководством организованной политической партии, укорененной в пролетариате и отражающей его интересы.

Идея номер два заключалась в приоритете наиболее развитых стран (“Не твоя ли это история!”). Развитие капитализма рассматривалось как прогрессивное в двойном смысле слова “прогресс”. Оно представляло собой “движение вперед” по сравнению с предшествующими формами общественной организации. И оно представляло собой процесс, развившийся из них и только в надлежащее время (невозможность “перескочить” фазы развития).

Эта идея имела очевидное значение как для социально-исторического анализа, так и для политического действия. В обоих случаях означала, что европоцентризм не только легитимен, но и в некотором смысле обязателен. Ибо именно в Западной Европе впервые развился капитализм, именно в Западной Европе впервые возник пролетариат, следовательно, именно в Западной Европе должны впервые произойти успешные социалистические революции.

Идеей номер три была экономическая значимость различия между торговым и промышленным капиталом, в котором выражалась также их историческая последовательность. Это были две различные формы капитализма, одна из которых принадлежала к сфере обращения (и, следовательно, не содержала производительного труда), а другая — к сфере производства.

Только когда (в результате исторической последовательной смены фаз) промышленный капитал начинает доминировать в данной географической зоне, можно говорить о том, что существует “настоящий” капитализм и извлекается прибавочная стоимость.

Политический смысл этого различия состоял в том, что триумф промышленного капитала над купеческим в данном государстве представляет собой определенный прогресс и, возможно, задача движений рабочего класса заключается в том, чтобы поддерживать борьбу за достижение этого триумфа, даже заменить собой промышленную буржуазию, если та не смогла сыграть своей “исторической” роли.

Но при всей ясности этих идей, во многом определявших последующие приложения Марковского наследия, сам он, однако, многозначительно предостерегал нас относительно указанных представлений. Касательно идеи номер один, пролетариата, понимаемого прежде всего (если не исключительно) как наемные городские промышленные рабочие, давайте взглянем для начала на его знаменитую дискуссию о крестьянстве в работах “Классовая борьба во Франции” и “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”.

“Таким образом, французский крестьянин в виде *процентов* на тяготеющие на земле *ипотеки* и в виде процентов на *неипотечные ссуды у ростовщика* отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, — не только *весь чистый доход*, но даже *часть своей заработной платы*; он опустился таким образом до уровня *ирландского арендатора*, и все это под видом *частного собственника*...

Теперь понятно положение французских крестьян, когда республика прибавила к их старым тяготам еще новые. Ясно, что эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал” [1, с. 302].

“Парцелла крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому земледельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату” [2, с. 87].

В этих абзацах содержатся два очевидных предупреждения. Первое — использование термина “заработная плата” для описания дохода, остающегося у крестьянского собственника. Второе — утверждение, что взаимоотношения последнего с капиталистом “лишь по форме отличаются” от взаимоотношений промышленного пролетариата. (Отметьте вдобавок использование прилагательного “промышленный”, определяющего существительное “пролетариат”, как будто имеются несколько разновидностей пролетариев.) Нам всем известно, что для Маркса назвать какое-либо различие различием по форме означает указать на то, что это различие вторично и незначительно и не умаляет сущностного сходства двух феноменов. Как будто для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть этот пункт, Маркс говорит о “заработной плате” крестьянского собственника, хотя никакой передачи денег не происходит в этом случае от какого-либо “нанимателя” к нему как “наемному рабочему”.

Относительно той идеи, что прибавочная стоимость может извлекаться только из наемного труда, Маркс специально утверждает противоположное, обстоятельно объясняя, каким образом прибавочная стоимость может присваиваться, не только когда отсутствует реальное подчинение труда [капиталу], но также и когда нет даже формального подчинения труда. Посмотрите на этот абзац из “Результатов...”:

“В Индии, например, ростовщический капитал ссужает непосредственному производителю сырые материалы или орудия труда или даже и то и другое вместе в форме денег. Непомерный процент, который он получает, процент, который не соответствует его величине, который он вырывает у первичного производителя, представляет собой только другое название прибавочной стоимости. Он превращает свои деньги в капитал, вырывая неоплаченный труд, прибавочный труд у непосредственного производителя. Но сам он не вмешивается в процесс производства, который происходит в своей традиционной форме, в какой он происходил всегда. Частично он паразитирует на увядании этого способа производства, частично он является средством ускорить его отмирание, заставить его влачить жалкое существование в самых неблагоприятных условиях. Но здесь мы еще не достигаем стадии формального подчинения труда капиталу” [3, с. 1023].

И наконец, имеется часто упоминаемое обсуждение проблемы рабства, где Маркс четко отличает рабство при “патриархальной системе главным образом для домашнего потребления” от рабства при “плантационной системе для производства на мировой рынок”. Он вновь ясно говорит о создании в рамках этой системы прибавочной стоимости, а также утверждает:

“Там, где господствуют капиталистические представления, как на американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой” [4, с. 333].

Рабство также не является чем-то маргинальным для функционирования капитализма. Действительно, в письме к П. Анненкову от 28 декабря 1846 года он критикует Прудона именно за подобное предположение:

“Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности” [5, с. 530].

Рабство и другие ненаемные отношения производства не являются маргинальными для капитализма вследствие особого характера “процесса обращения промышленного капитала”:

“Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производство полудиких охотничьих народов и т. д., — все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, — следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их проис-

хождения, существование рынка как мирового рынка — вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала” [6, с. 109].

Опять же отметьте, что все эти формы производства рассматриваются как порождающие “прибавочную стоимость” с того момента, когда они вступают в “кругооборот” капитала. “Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения”.

Когда мы обращаемся к идее номер два, к вопросу о приоритете того, что сегодня мы называем зоной ядра мир-экономики, мы обнаруживаем у Маркса аналогичную осторожность в знаменитом предисловии к первому немецкому изданию “Капитала”. Позвольте мне привести здесь длинную цитату из него:

“Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* [Не твоя ли это история!].

Дело здесь само по себе не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например, на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* [Мертвый хватает живого!]]” [7, с. 6–7].

Отметьте, как немедленно уточняется выражение “*De te fabula narratur!*”. Дело не в том, что одна страна обладает более “высокой” степенью развития, а другая — более “низкой”. Мы говорим о законах, которые охватывают обе эти страны. Германия при этом также фактически не то же самое, что Англия, она *хуже*. Она страдает не только от “развития капиталистического производства”, но и от “недостатка его развития”. И это нынешнее различие будет определять будущее. “*Le mort saisit le vif!*”.

Еще одно уточнение мы фактически получаем при проведении сравнения между Англией и Францией в “Классовой борьбе во Франции”. Маркс объясняет, почему французская промышленная буржуазия *не* господствует над французским государством так же, как господствует над английским государством английская буржуазия:

“Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все отношения собственности; а этой степени могущества промышленности может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала мировой рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития. Французская же промышленность даже внутренний рынок удерживает за собой в значительной мере только благодаря более или менее модифицированной системе запретительных пошлин” [1, с. 242].

По всей видимости, по своему положению страна, “завоевавшая мировой рынок”, фундаментально отличается от других стран. Но может ли, с логической или эмпирической точки зрения, мировой рынок быть завоеванным более чем одной страной одновременно? Это представляется сомнительным, и Маркс сам склоняется в пользу гипотезы об одной стране:

“Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа; рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа; кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира” [1, с. 298].

В этой пустыне, через которую мы бредем, существует два возможных пути, один из которых мы можем выбрать. Мы можем решить, что только в наиболее “развитой” стране может произойти (или произойти впервые) переход к социализму. Это, как нам известно, был тот вывод, к которому в то время пришел Маркс. Или же можно пойти по другому пути. Мы можем заключить, что в стране, которая господствует над мировым рынком, положение является настолько специфическим, что оно ничего не скажет нам относительно действительных политических процессов и отношений в других частях мира. Фактически большинство марксистских партий пошли по последнему пути, не будучи во многих случаях (даже большинстве) готовыми к тому, чтобы признать это теоретически и, следовательно, иметь дело с необходимыми следствиями подобной атаки на теоретический приоритет центра [мировой капиталистической системы].

Похоже, Маркс сам осознавал эту дилемму и пытался спасти положение с помощью тезиса о революционном зигзаге:

“Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте раз-

личные фазы цикла, постоянно вновь проходимого буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую бы то ни было другую страну. Но этот вывоз в Англию, в свою очередь, зависит от положения Англии, в особенности на заокеанских рынках. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно больше, чем весь континент, так что размеры континентального экспорта в эти страны всегда зависят от заокеанского вывоза Англии. Если поэтому кризисы порождают революции прежде всего на континенте, то причина их все же всегда находится в Англии. В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсации больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований” [1, с. 314–315].

В письме к З.Мейеру и А.Фогту в 1870 г. Маркс предложил другую более “тьер-мондистскую” версию данного зигзага, в которой революция в Ирландии рассматривалась в качестве необходимого условия революции в Англии.

“Ирландия является цитаделью *английской земельной аристократии*. Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую *моральную* силу. Английская земельная аристократия фактически воплощает *господство Англии над Ирландией*. Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет *свое господство* в самой *Англии*. С другой стороны, если английская армия и полиция покинут завтра Ирландию, в Ирландии тотчас же начнется аграрная революция. Но падение английской аристократии в Ирландии обуславливает и имеет своим необходимым следствием *ее падение в Англии*. Тем самым были бы созданы предварительные условия *пролетарской революции* в Англии. Так как в Ирландии *земельный вопрос* является до сих пор *исключительной формой* социального вопроса, так как он представляет собой вопрос существования, *вопрос жизни или смерти* для огромного большинства ирландского народа, и в то же время неотделим от *национального* вопроса, то уничтожение английской земельной аристократии в Ирландии — бесконечно более легкая операция, чем в самой Англии, не говоря уже о более страстном и более революционном характере ирландцев в сравнении с англичанами” [8, с. 539].

Следует отметить одно последнее предостережение Маркса. Оно касается идеи номер три, относительно проведения различия между купеческим и промышленным капиталом, столь дорогого для тех, кто полагает, что в капиталистическом мире сфера производства обладает определенной онтологической обособленностью и первичностью по отношению к сфере обращения. Несомненно, Маркс широко использовал это различие, но когда он подходил к обсуждению “сфер” кругооборота капитала, это могло звучать до странности “циркуляционистски”. Маркс всегда формулировал свои мысли наиболее четко, когда вступал в полемику. В 1846 году он подверг критике Прудона, в 1875-м — Лассаля. В течение тридцатилетнего периода обвинения фактически остались теми же. В письме к Анненкову он писал по поводу Прудона:

“Господин Прудон так плохо понимает сущность дела, что упускает из виду даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. Вот как! Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Восточной Азией поддерживалась связь лишь посредством Константинополя, не должно коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?”

Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?” [5, с. 526].

И он гневно обличал в “Критике Готской программы” Лассаля:

“Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организоваться *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Поскольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в “Коммунистическом манифесте”, “по форме” является национальной.

Однако “рамки современного национального государства” — к примеру, Германской империи — сами в свою очередь находятся экономически в “рамках мирового рынка”, политически — “в рамках системы государств”. Любому купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г-на Бисмарка состоит как раз в проведении известного рода международной политики” [9, с. 18].

Вновь мы получаем различие формы и содержания. Форма классовой борьбы может быть национальной, собственно, “должна” быть национальной. Но ее экономическим содержанием выступает мировой рынок, а политическим содержанием — система государств. Как “внутренняя организация наций”, так и их “международные отношения” неизбежно изменяются в зависимости от изменений в “разделении труда”, лоном которого является мировой рынок.

Напомню, что приводил длинные цитаты из Маркса не для того, чтобы открыть подлинного Маркса. Подлинного Маркса не существует. Есть два Маркса — по меньшей мере, два. Это закономерно, поскольку он столкнулся с неизбежной эпистемологической дилеммой, о которой уже говорилось. Я приводил столь длинные цитаты скорее для того, чтобы как минимум продемонстрировать, что нам следует помнить о его предостережениях, его осторожности, его неоднозначности. Я делал это, чтобы теперь обратиться к рассмотрению того тупика, в котором нередко оказывались марксистский анализ и практика вследствие забвения этих предостережений, осторожности, неоднозначности.

Тупик (или, если быть великодушным, теоретические головоломки) хорошо известен. Сосредоточенность на ключевой роли городского промышленного пролетариата означала, что марксисты должны были заниматься бесконечными объяснениями, или хотя бы отговорками по поводу роли (и самого существования) национальностей, крестьянства, меньшинств, женщин и всей периферийной зоны [капитализма]. Как много чернил — и крови — было пролито по поводу марксизма и национального вопроса, марксизма и крестьянского вопроса, марксизма и женского вопроса. Девять десятых мира

стали с социологической, аналитической и политической точки зрения “вопросами”, “аномалиями”, “пережитками” — объективно, быть может, и прогрессивными для своего времени, но обреченными на исчезновение.

И как если бы этих странностей было недостаточно, марксисты столкнулись с тем настораживающим фактом, что во многих отношениях то, чему полагалось быть центром мировой революции, — то есть ядро ядра, — оказалось и вовсе наименее восприимчивой [к революциям] зоной из всех. Никаких революций, никакого обнищания и, конечно же, никакого отмирания государства.

Наибольшей головоломкой из всех оставался Советский Союз. Он был рожден революцией, которой не полагалось осуществляться, и марксисты все последние 65 лет пытались объяснить его исторически специфические структуры и преобладающую политику, которых предшествующее теоретизирование не предвидело и не объясняло. В целом марксисты реагировали на этот феномен или апологетикой, или обличением. Немногие пытались занять неудобную нишу между двумя этими полярными реакциями. Чего марксисты не сделали, так это не проверили, можно ли было, оставаясь в рамках марксистской теории, ожидать, что произойдет именно то, что произошло, и нельзя ли объяснить политику Советского Союза — от Ленина и Сталина до Хрущева, Брежнева и Горбачева — полностью как следствие функционирования капиталистической мир-экономики. Неужели Марксов вопрос в его письме к Анненкову 1846 года уже не применим здесь? “Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда?”

Мне хотелось бы привести доводы в пользу того, что, если мы примем шесть основных, как я полагаю, тезисов корпуса Марксовых идей, то они могут совершенно адекватно объяснить, и действительно объясняют, историю последних ста пятидесяти лет (и фактически историю последних четырехсот лет). Они также указывают как на обнадеживающие перспективы, так и на великие опасности ближайшего будущего.

1. Социальная реальность представляет собой процесс непрерывных противоречий, которые могут быть осмыслены только диалектически.
2. Капитализм представляет собой процесс бесконечного накопления капитала, что отличает его от докапиталистических способов производства.
3. Капитализм как историческая система предполагает такую трансформацию производственных процессов, в результате которой они будут порождать прибавочную стоимость, присваиваемую буржуазией с целью накопления капитала.
4. Капитализм со временем так поляризует социальную организацию жизни, что все больше людей группируются как буржуазия или как пролетарии, и пролетариат страдает от обнищания.
5. В капиталистическом мире государство является инструментом капиталистического угнетения; социализм ведет к отмиранию государства.
6. Переход от капитализма к социализму не может осуществляться эволюционным путем, он может быть только революционным. Полагать иное — это утопия в отрицательном смысле слова.

Так где же во все это встраивается понятие “слаборазвитость”? Ответ весьма прост. Только когда мы поместим в центр нашего сознания тот факт,

что вся совокупность характеристик, воскресающих в памяти в связи с выражением “слаборазвитость” — то есть формы производства на рынок, основанные на использовании ненаемного труда, маргинализация и самозахват земли, раздутый третичный сектор, появление социальной роли домохозяйки, этнический фактор, клиентелизм, коррумпированная и репрессивная государственная машина и т. д. — все это суть не аномалии и пережитки, а порождение капиталистического способа производства и неотъемлемая часть его функционирования, — только тогда мы можем достичь непротиворечивого объяснения капитализма как исторической системы, в рамках которого перечисленные выше шесть тезисов Маркса будут рассматриваться как обоснованные и убедительные.

До тех пор пока Марксовы идеи будут восприниматься как тезисы о процессах, происходящих главным образом внутри государственных границ и касающихся главным образом городских наемных промышленных рабочих, работающих на частную промышленную буржуазию, до тех пор будет несложно продемонстрировать, что эти идеи ложны, вводят в заблуждение, неадекватны — и ведут нас по ложному политическому пути. Если же их воспринимать как идеи, относящиеся к исторической мир-системе, чье развитие само предполагает “слаборазвитость”, фактически, основано на ней, то они окажутся не только вполне обоснованными, но и революционными.

В этом случае мы получаем следующее емкое объяснение действительного процесса исторического развития капиталистической мир-экономики. В конце Средних веков, вследствие так называемого кризиса феодализма, когда основные методы [эксплуатации], свойственные феодальной системе, уже не обеспечивали высшим стратам Европы возможность присвоения достаточного прибавочного продукта, создаваемого непосредственно производителями, основной упор переносится на альтернативный способ присвоения прибавочного продукта посредством рыночных механизмов. Эту систему мы называем капитализмом.

Она потребовала создания новых форм производственных процессов, новых способов контроля над трудом и новых институциональных структур. Она также потребовала создания новых социальных ролей, которые мы стали называть “буржуа” и “пролетарий”. В течение относительно короткого двухсотлетнего периода (приблизительно до 1650 года) этот новый “способ производства” развивался настолько успешно, что полностью остановил происходившее ранее падение нормы присвоения прибавочного продукта высшими стратами и фактически открыл возможности для достижения нового уровня присвоения, о котором нельзя было и помыслить в феодальном обществе. Новая система консолидировалась в Европе и оттуда продолжала захватывать мир, устраняя в ходе этой экспансии все альтернативные способы социальной организации и, в итоге, устанавливая впервые в человеческой истории по всему земному шару единую систему разделения труда.

К 1650 году сложилась не только сосредоточенная главным образом в Европе капиталистическая мир-экономика, но и функционирующая межгосударственная система, состоящая из так называемых суверенных государств. Мир-экономика структурировалась интегрированной совокупностью производственных процессов, предполагавших модель обмена, обеспечивавшую не только передачу прибавочной стоимости от непосредственных производителей высшим стратам, но и концентрацию накопления в так назы-

ваемых зонах ядра этой мир-экономики. По сути, она структурировалась посредством механизмов неэквивалентного обмена, дававших преимущество высшим стратам зон ядра за счет количественно меньших высших страт в периферийных зонах. Суверенные государства стали основными политическими элементами, организующими необходимый поток факторов производства. Связанные в иерархический порядок, все эти государства были (даже наиболее сильные из них) ограничены становящимися “правилами” межгосударственной системы. Эти правила обеспечивали капитализму как способу производства жизненно необходимую политическую надстройку.

Чтобы такая система могла работать, все больше и больше производственных процессов должны были подвергаться коммодификации, то есть переориентироваться на товарное производство для мирового рынка, что вело к развитию длинных “товарных цепочек”. Эти товарные цепочки, если подвергнуть их эмпирическому анализу, прослеживая в обратном направлении пути множества вовлеченных в производство компонентов того или иного из основных конечных продуктов, например готовой одежды, с самого начала обнаруживают две черты. Во-первых, эти цепочки пересекают множество границ, двигаясь главным образом от периферии к ядру. Во-вторых, компоненты производства, входящие в эти цепочки, производились в рамках совокупности разнообразных производственных отношений, лишь небольшая часть которых представляли собой то, что мы ошибочно полагали “классическими капиталистическими” отношениями. Эти две черты в главном не изменились и по сей день.

Форма товарных цепочек и, что, по всей видимости, наиболее важно, ценовые структуры множества транзакций формировались не абсолютно свободным рынком, а рынком, правила ценообразования которого вырабатывались вектором всех политических властей (государств неравной силы, действующих непосредственно и посредством “правил” межгосударственной системы). Ценообразующая практика стабильна в среднесрочной перспективе, но изменяется в долгосрочной; это является результатом продолжающейся классовой борьбы.

Результатом внутренних противоречий капитализма как способа производства выступает относительно предсказуемая частота циклов экономической экспансии и стагнации мир-экономики в целом (вызывающих весьма сложную совокупность изменений в ее составных частях). Одним из множества аспектов этих циклических сдвигов является порождаемая внутренней динамикой, но лишь периодически возникающая, потребность капиталистической мир-экономики в расширении зоны своего действия, как экстенсивном (вширь), так и интенсивном (вглубь). Экстенсивная экспансия предполагает инкорпорацию новых, ранее выступавших как внешние по отношению к ней, территорий в разделение труда капиталистической мир-экономики. Внутренняя экспансия (или углубление капиталистических процессов) подразумевает социально вознаграждаемые технологические инновации (с сопутствующими им практиками возрастающей концентрации капитала, роста отношения постоянного капитала к переменному и постоянной декартификации рабочей силы). В определенной степени эти два процесса экстенсивной и интенсивной экспансии движутся в противоположных направлениях. Действительно, основной импульс экстенсивной экспансии — противодействие сокращению общего коэффициента при-

своения прибавочной стоимости в результате экономических и *политических* последствий все более интенсивной экспансии.

Однако главным социальным последствием этого капиталистического процесса являлось *создание* социальных категорий пролетариата и буржуазии. Чтобы получить рабочую силу, адекватную производственным процессам, ориентированным на мировой рынок, ее следует принуждать к труду методами, весьма отличными от применявшихся к ее предшественницам. В этом заключается знаменитое и важнейшее озарение Маркса относительно отчуждения пролетариата и лишения его собственности и контроля над средствами производства. Однако это решающее озарение было неверно понято, отчасти самим Марксом, как простое следствие лишения земли независимого мелкого крестьянина, вынуждавшего его, таким образом, становиться городским наемным рабочим.

С исторической точки зрения картина настолько сложнее, нежели ее передает этот образ, что остается только назвать его вопиюще неверным. На деле же произошло то, что процесс коммодификации труда сопровождался таким преобразованием “натуральных” форм труда, что они оставались составным элементом воспроизводства рабочей силы при капиталистическом способе производства. Именно тот факт, что значительное большинство рабочей силы в удовлетворении своей потребности в доходе, получаемом на протяжении жизни, только *частично* зависит от наемного труда, полностью интегрирует рабочую силу в логику мир-экономики. И это достигается с помощью методов, гораздо более эффективных — и прибыльных — для высших страт, чем если бы рабочая сила на самом деле состояла только из промышленных рабочих, полностью занятых наемным трудом и не имеющих иных источников дохода помимо того, который они получают от хозяина в виде заработной платы.

Вместо этого рабочие были перегруппированы в сложные структуры, которые мы можем назвать домохозяйствами, то есть коллективами, состоящими из индивидов обоих полов и различного возраста, которые, однако, не обязательно связаны отношениями близкого родства и не обязательно проживают совместно. Обычно эти домохозяйства составляют свой доход из множества источников, одним из которых до сего дня остаются различные формы “натуральной” хозяйственной деятельности (вплоть до совершенно обесцененного труда, символизируемого социальной ролью “домохозяйки”). Кроме того, доход домохозяйства формируется за счет мелкотоварного производства, рент, трансфертных платежей и подарков и, конечно же, за счет наемного труда (этот последний статистически менее значим, чем мы обычно утверждаем).

Возникающие в результате домохозяйства оказываются под постоянным двойным давлением, толкающим их к тому, чтобы, с одной стороны, еще больше коммодифицировать все аспекты социального воспроизводства, а с другой — передавать высшим стратам прибавочную стоимость также и косвенно, позволяя значительно сокращать уровень пожизненной заработной платы наемных рабочих, даже того меньшинства, которое получает больше реальной минимальной заработной платы. Вследствие этого возникает широкий диапазон социальных комбинаций, отраженных в структурах этих домохозяйств и, кроме того, только меньшая часть рабочей силы — даже сегодня, даже в зонах ядра — приближается к “классическому” образу

пролетариата. Однако парадокс — к которому мы еще вернемся — заключается в том, что действительно степень пролетаризации, несмотря ни на что, со временем возрастает как с точки зрения роста удельного веса рабочей силы, вовлеченной в производство на мировой рынок, так и с точки зрения усиления зависимости домохозяйства от той доли его дохода, источником которой выступает наемный труд.

Параллельно процессу пролетаризации разворачивается процесс буржуазификации. Подобно тому, как все большая часть рабочей силы ориентируется на производство на мировой рынок, все большая часть высших страт начинает ориентироваться на извлечение прибавочного продукта из текущих операций на мировом рынке. Буржуазные домохозяйства тоже становятся структурами, комплексно объединяющими различные формы дохода. Прибыль от управления собственностью является только одной из них и (как в случае с наемным трудом в составе рабочей силы) той формой, которая в количественном отношении представляет собой меньшую часть их дохода. Параллелью “натуральному” доходу рабочей силы выступает доход высших страт в виде “феодальной ренты” (*lato sensu*). Как “натуральное хозяйство” в капиталистической системе обеспечивает буржуазии большую прибыль, чем если бы вся рабочая сила продавалась бы на рынке, точно так же и “феодальная рента” в капиталистической системе обеспечивает буржуазии большую прибыль, чем если бы вся рабочая сила покупалась на рынке.

Вследствие этого не только существует широкий диапазон буржуазных домохозяйств, но и только меньшая их часть — даже сегодня, даже в зоне ядра — приближается к “классическому” образу буржуазии. Но парадокс состоит в том, что на самом деле степень буржуазификации возрастает, в таком же двояком смысле, как и в случае пролетаризации. Доля высших страт, вовлеченных в присвоение прибавочного продукта посредством рыночных операций, возрастает, и как никогда большая доля их дохода фактически происходит из текущих рыночных операций.

Я использовал слово “парадокс” дважды, один раз по поводу пролетаризации и один раз по поводу буржуазификации. В чем же заключается парадокс? Парадокс состоит в том, что эти главные процессы капиталистического развития, которые описаны Марксом и, в свою очередь, объясняют материальную и социальную поляризацию мира, происходят не благодаря, а вопреки воле и интересам буржуазии как класса. Именно низкий, а не высокий уровень пролетаризации порождает и сохраняет потенциал капитализма как системы, приносящей прибыль. Именно низкий, а не высокий уровень буржуазификации порождал и сохранял политические структуры, которые обеспечивали его выживание. Ни пролетаризация, ни буржуазификация не составляют подлинного интереса капиталиста. “Накопляйте, накопляйте! В этом Моисей и пророки!” [10, с. 608].

Пролетаризация и буржуазификация возникают не по велению демиурга капиталистов, а как механизмы разрешения повторяющихся краткосрочных кризисов. Механизмы, которые оказывают противоречивое воздействие, подрывающее систему в долгосрочной перспективе. Дело выглядит так, как будто капиталистическая экономическая политика, которая на уровне мир-экономики в целом толкает ко все большей материальной поляризации (растущая реальная трудовая нагрузка большинства населения мира и реальное историческое снижение качества его жизни), приостанавливается

все возрастающей социальной поляризацией (возрастающее устранение “неофеодальных” структур, созданных капиталистами, чтобы сделать возможной материальную поляризацию). Ибо именно социальная поляризация, в гораздо большей степени, чем материальная, создавала на протяжении последних ста пятидесяти лет основной базис возникновения антисистемных движений капиталистического мира.

И здесь мы подходим к последнему парадоксу. Политическая конфигурация капиталистической мир-экономики — суверенные государства, связанные в межгосударственную систему — навязала этим движениям гобсоновский выбор. Они были вынуждены выбирать между стремлением к завоеванию власти в рамках отдельных суверенных государств и отказом от верного шанса получить какую-либо власть. Но обладание властью в суверенном государстве, то есть государстве, ограниченном межгосударственной системой, основанной на функционирующем разделении труда, не означает, да и, по всей вероятности, не может означать, что они могут выйти из капиталистической мир-экономики. На самом деле это означает появление возможности определенного ограниченного перераспределения мировой прибавочной стоимости, короче говоря, власти осуществлять реформы, не обязательно подрывающие систему как таковую.

Совсем наоборот. Когда одно за другим государство оказывалось под властью антисистемных движений, это, несомненно, подрывало систему, предлагая образцы и поддержку другим антисистемным движениям. Но одновременно это и усиливало систему, обеспечивая ей средства приручения мятежной рабочей силы всего мира. Советский Союз — как в своих “сталинистских” тенденциях, так и в своем “ревизионизме” — не является ни искажением истории, ни чем-то неожиданным, с точки зрения логики. Это модель того, чего следовало бы ожидать вследствие развития капитализма как мир-системы, именно если бы мы серьезно восприняли Марксовы тезисы, особенно в свете понятия “слаборазвитости”. Это модель слабого государства, пытающегося стать сильным, изменяя тем самым экономическую роль данного региона в мир-экономике. Марксизм служил как инструментом борьбы против мировой капиталистической системы, так и идеологическим покрывалом и идеологическим ограничением для тех, кто пришел к власти. Отсюда и двойственный баланс.

Но история продолжается. Социалистические государства возникли как неотъемлемая часть истории развития капитализма. То же можно сказать и о незатухающем и растущем этнонационализме XX века. Это же верно и в отношении расизма и сексизма. Капитализм в гораздо большей степени, чем это можно было предполагать в XIX веке, не говоря уже о XVI, представляет собой многоголовое чудовище. Подобно всем чудовищам, он тяжело движется навстречу своей гибели, разрушая тем временем множество жизней и изрядную долю нашего экологического достояния.

Это подводит меня к седьмому тезису, тезису, относительно которого Маркс определенно заблуждался. Тезис номер семь заключается в том, что капитализм представлял прогресс по сравнению с тем, что существовало до него, и вслед за ним неизбежно должна взойти заря бесклассового общества. Это социализм утопический, а не социализм научный. Исторически капитализм представляет моральный регресс, а для огромного большинства населения мира и материальный регресс, даже притом, что он обеспечивал вы-

сшим стратам мира (ныне увеличившимся от 1% до возможно 20% мирового населения) материальный уровень и стиль жизни, далеко превосходивший возможности даже “восточных властителей” древности.

На самом деле, как видно из дилемм антисистемных движений, мир сегодня сталкивается не с неизбежным прогрессом, а с реальным историческим выбором. Буржуазия мира, обуржуазившаяся неохотно, борется за свое выживание. Подобно тому, как аристократия феодальной Европы пережила свой великий структурный кризис, трансформировавшись в буржуазию, занимающую господствующие позиции в новом способе производства, так и нынешняя буржуазия уже находится в процессе попыток пережить свой структурный кризис, трансформировавшись в некий “х”, занимающий господствующие позиции в новом способе производства.

Такой исход возможен, но необязательно неизбежен. Альтернативная возможность состоит в создании в течение следующих ста лет социалистического мирового порядка, порядка, основанного на системе производства для удовлетворения потребностей, порядка, предполагающего отмирание государств вследствие отмирания межгосударственной системы, порядка, результатом которого будет рационально организованная система распределения ресурсов, времени, пространства и социальных ролей. Такая система не будет утопией и не будет системой, лишенной истории. И совершенно невозможно сегодня предсказать, каковы будут ее институциональные формы. Но эта альтернатива действительно была бы прогрессом.

Вопрос, стоящий перед нами, — единственный, представляющий нравственный или политический интерес, заключается в том, каким образом в этой сумеречной зоне капитализма как исторической социальной системы мы могли бы сделать более вероятным относительно эгалитарный исход в противоположность относительно неэгалитарному. У меня нет простого ответа на этот вопрос. Я заметил, что в последние сто — или около того — лет всякий раз наиболее прогрессивный подъем коллективного духа и коллективного действия, приносивший наиболее позитивные результаты, наступал на последней стадии политической мобилизации того или иного движения — стадии, на которых эти движения “выходят из-под контроля”. С того момента, когда такие движения приходят к “власти”, эти подъемы становятся более практичными и менее энергичными и воодушевленными и, в итоге, умирают по причине безжизненности, разочарования, активных репрессий.

Я отнюдь не склоняюсь ни к тому, что движениям никогда не следует брать государственную власть, ни к тому, что это безнадежно. Я только делаю вывод, что если не будет разработана более широкая, более комплексная стратегия борьбы, мы никогда не придем к эгалитарному социалистическому мировому порядку. У меня есть некоторые конкретные предложения, ни одно из которых еще не продумано до конца и которых всех вместе взятых, возможно, будет недостаточно. Но они представляются мне перспективными линиями действий.

Во-первых, возникли три разновидности антисистемных движений в трех политических “мирах”, сложившихся после Второй мировой войны. Существует национально-освободительное движение в “дореволюционных” государствах периферии. В основных государствах ядра имеется множество форм “новых” движений, объединяющих все возможные группы, ранее в них не включенные. Предпринимаются усилия создать движения

внутри и вне партий “постреволюционных” государств. В той мере, в какой каждый сегмент движений отражает различные формы антисистемных импульсов (то есть оппозицию капиталистической мир-экономике и всем ее порождениям), указанным движениям необходимо понять, каким образом они могут стать одной семьей движений, а не тремя.

Во-вторых, этим движениям необходимо переосмыслить то, как они соотносятся с существующим “рабочим” движением. Фактически это вопрос фундаментальной дефиниции. Если Маркс был прав, и мир действительно поляризуется на буржуазию и пролетариат, тогда, по крайней мере, 80% людей во всем мире на деле являются пролетариями (хотя эта доля в каждом государстве будет различна), и все три новых вида антисистемных движений состоят главным образом из пролетариев.

В-третьих, государственная власть является только одной из форм власти в современной мир-системе. Но существует также много других форм — экономическая, социальная, культурная. Мы должны прекратить считать эти формы власти окольными путями к государственной власти. Мы должны рассматривать их как равнозначимые координированные части целого, в которых ведется сражение. Мы должны дефетишизировать государственную власть, отнюдь не пренебрегая ею.

В-четвертых, мы должны систематически и тщательно переосмыслить консенсус общественной мысли XIX века, двумя основными вариантами которого выступают либерализм и классический марксизм. И в свете реальной эволюции мира мы должны переписать нашу теорию, и прежде всего нашу историографию. Мы должны следовать совету Маркса: *Hic Rhodus hic salta!* [Здесь Родос, здесь прыгай!].

И наконец, было бы неплохо переосмыслить нашу метафору перехода. С конца XIX века мы вовлечены в псевдобезеды по поводу эволюционного или революционного путей к власти. Обе стороны этих дебатов всегда были, по сути, реформистскими, поскольку обе стороны полагали, что переход представляет собой управляемый феномен. Но управляемый, организованный переход обязательно предполагает определенную сохранность эксплуатации. Мы должны оставить страх перед переходом, принимающим форму разрушения, распада. Распад происходит беспорядочно, до определенной степени он может быть анархичным, но это не обязательно катастрофа. “Революции” могут на деле быть “революционными” только в той степени, в которой они способствуют разрушению. Организации могут поначалу сыграть существенную роль в том, чтобы взломать лед. Сомнительно, что они действительно могут построить новое общество.

Если сказанное для вас звучит слишком авантюристично и слишком смутно, предлагаю поразмышлять над альтернативными сценариями — как над сценарием, представленным исторически переходом Европы от феодализма к капитализму, так и над сценарием, который, по всей видимости, продемонстрирован двойственной и неровной историей наших антисистемных движений вплоть до сегодняшнего дня. Я вовсе не рекомендую какой бы то ни было формы пассивности. Я рекомендую использовать активный интеллект и активную организующую энергию, рефлексивную и нравственную одновременно, в классовой борьбе большинства — против меньшинства, эксплуатируемых против эксплуататоров, лишенных создаваемой

ими прибавочной стоимости — против тех, кто захватывает прибавочную стоимость и живет за счет этого.

Литература

1. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1985. — Т. 3.

2. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1986. — Т. 4.

3. *Marx K.* Results of the Immediate Process of Production. Published in English as the Appendix to Karl Marx, Capital. — N.Y., 1967.

4. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т. 3. — Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 9. — Ч. 2.

5. *Маркс К.* Письмо П.В. Анненкову // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1985. — Т. 3.

6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т. 2. — Кн. 2: Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 8.

7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т.1. — Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 7.

8. *Маркс К.* Письмо Зигфриду Мейеру и Августу Фогту // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1986. — Т. 4.

9. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 6.

10. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т.7. — С.556.

Перевод с английского Андрея Малюка